

Л. А. Шиман

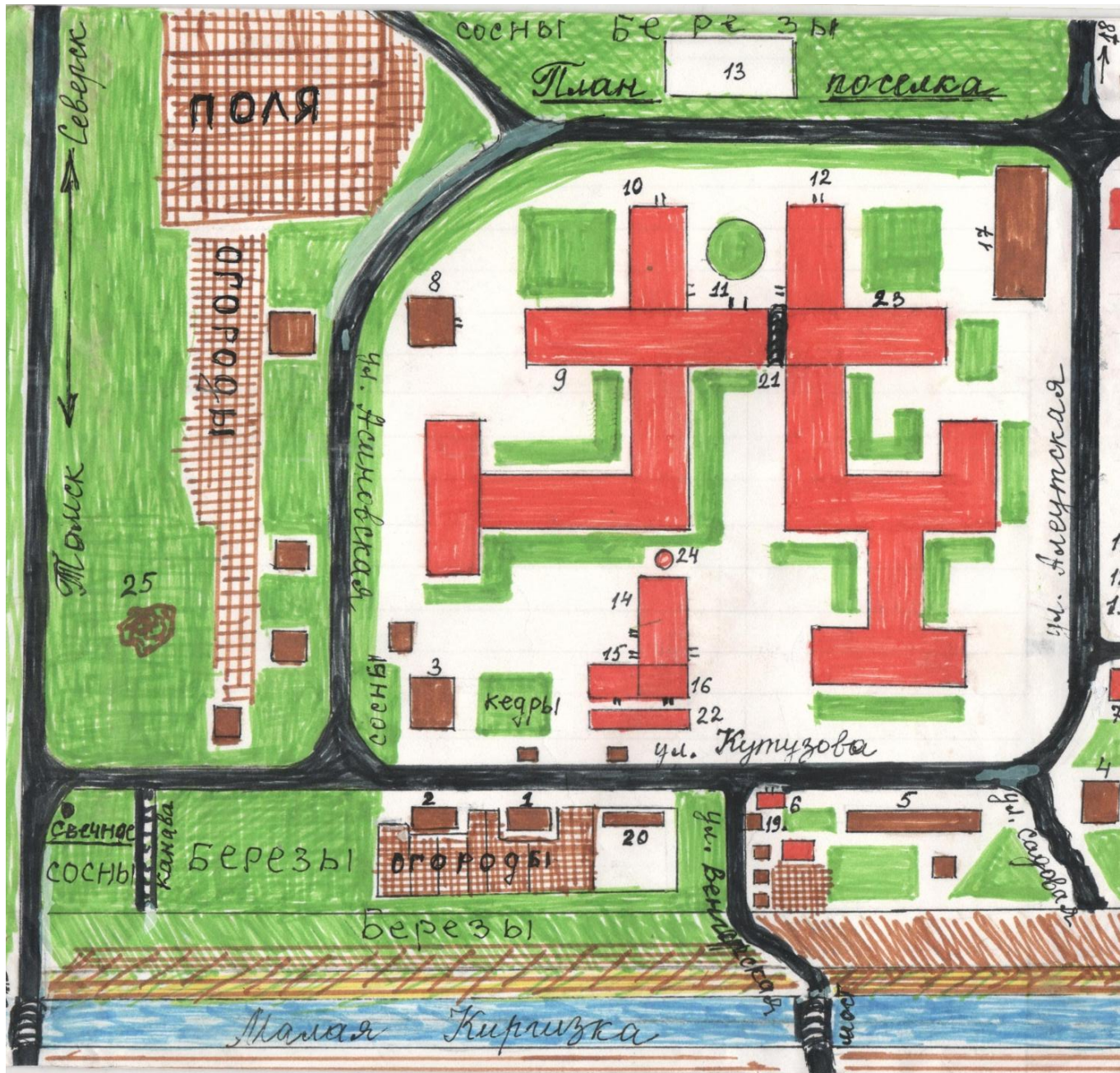
Страшища
прошлого
лестая...

(1947 — 1955 г.г.)

Лицом к лицу —
лица не увидать.
Большое видится
на расстоянии...

С. Есенин.

Полесье, 2013 г.,
20. 09.

1. Кутузова, 4, — мой дом.
2. Кутузова, 2, — Максимова: Лидя, Тома; Коляков Тома.
3. Школа №21 — старые классы
4. Аметьевская, 1, — козляковский дом
5. Пожарная охрана
6. Маладин (ближний)
7. Маладин (дальний)
8. Школа №21, "Семилетки" (нач. классы)
9. Надзирает. корпус
10. Врачебный корпус
11. Пародный подъезд
12. Почта
13. Танцплощадка
14. Кузня
15. Баня
16. Амбулатория
17. Тарганс.
18. Совхоз
19. Водоканал
20. Детсад
21. Арка
22. Мелкосты
23. Лаборатория
24. Водонапорная башня
25. Болото

1
Мне просто сказали: "Будешь жить с бабушкой и дедушкой." Как шестилетним ребенком я обосновалась на ул. Кутузова, 4, в старинном деревянном доме, богато украшенном резьбой. Высокие потолки (около 4-х метров), большие окна, много света, березовая роща, чисто выметенный двор с лужайкой, по которой так хотелось пробегать босиком - всё это мне нравилось.

Дом поделен на две половины: каждая имела крыльцо и террасу. Направо жили Якушны: бабушка и дедушка Мисаил Тимофеевич, их дочь Александра Михайловна с мужем Павлом Андриановичем, дети: Женя и Вениамин.

Налево - в квартире побольше - мои дедушка с бабушкой, их дочь Вера, дедушкины племянники Маруся, Тоня и я. В маленькой комнате - бабушка Тимонова.

В первый же день стало понят-

но, что началась другая жизнь, прежде к ней привалы ушло безвозвратно. В семье много людей - значит, много шума и суеты. Заботливая, избалованная, я объявила: "Сейчас буду рассказывать стишки, а вы мне хлопайте."

Все продолжало заниматься своими делами и даже не повернуло головы. А бабушка взяла меня за руку, отвела на кухню к печи, где стояла любимая дедушкина скамеечка, и тихо, но твердо сказала: "Твое дело маленькое: брысь и под лавку." Повернулась и ушла. Я стояла и молчала. Меня позвали: "Иди обедать". Я не двинулась.

Подошла бабушка: "Иди к столу." - "Бабушка, а как я буду жить под лавкой? Она же маленькая." Бабушка помолчала, потом повела меня в комнату. Мы подошли к маленькому сундучку, втиснутому между изголовьями двух кроватей: "Вот твое место. Здесь бу-

г. Шолох, ул. Кутузова, 4. Дом, в котором мы жили...

23

...ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА К ПОХОЛОДАНИЮ

Фото А. Батурина, 1987 г.

дешь спать".

Так я оказалась в другом мире. Было тесно. Было бедно. Было голодно. Меня подкармливали, кто мог и как мог. Но всё же началась авитаминоз: я начала есть сырую картошку.

В доме заведено: первым встает дедушка, растапливает печь, чистит картофель, моет клубни в ведре. А я тут как тут — руку в воду, и только хруст слышен. Дедушка терпит — терпит, а потом: "Паша, убери ее, а то голодные останемся".

Комната нагреется, а картошка в чугушке сварится, он будит домочадцев. Бабушка накрывает стол, а дедушка идет убирать двор: летом каждое утро подметал, выгнцал мужайку, "чтобы дети мои не накопали", зимой широкой деревянной лопатой отбрасывал снег. "Двор — лицо дома," —

говаривал он.

Потом завтрак: вареная картошка, вчерашние щи, чай. Все едят молча, из одной чашки. За разговор во время еды можно получить ложкой по лбу. Это я поняла быстро. До конца своей жизни дедушка пользовался только деревянной ложкой: "Не чувствую вкуса еды в железе." Когда они исчезли из продажи, он сам вырезал их из березы. Окончив еду, широко перекрестившись, вставал из-за стола, за мим-лы. Все расходились по своим работам. А я — во двор.

В семье не принято было:

- бить детей, ставить в какой-то угол, кричать. Как-то обходились...
- Легкий подзатыльник получить можно: душой, что говорим (делаешь)!
- обижаться, сердиться: "На сердитых воду возят и только в горы!"
- просить что-либо подать, пригласить.

3
ти, можно услышать в ответ: „Слу-
шай, подайте лапти!“ или: „Тебе га-
до - встань и возьми!“

Мы сами себе нашивали из
кринки молока (рано намочились
делать это так ловко, что не про-
ливали ни капли), отрезали кусок
хлеба - вот и сыты. Летом шли в
огород, искали огурец или морковку,
оттирали ботвой и ели. Сами при-
шивали оторванные пуровицы, кар-
маны, штопали дырки, наклады-
вали заплатки. И это считалось
самой собой разумеющимся.

- плакать, ныть, как-то жаловаться.
А если уже совсем невмоготу -
тайком, втихомолку, под оде-
ялом... Ударюсь, поранюсь, уколюсь
к бабушке. А она спокойно: „Ничего,
до свадьбы заживет! Давай-ка мы
с тобой нитки перемотаем.“ И
всё...

- ни подковырок, ни сплетен, ни
интриг. Любили шутки, потеша-

ли их, весело смеялись, но никому не
давали оценок: факт - и только. Рас-
сказал, улобнулся случаю, но осудить
попавшего в мелкую ситуацию - бо-
же упаси! Сразу же бабушкин голос:
„Лучше на себя посмотри!“ или: „Ко-
нечно, одна ты хорошая, а все-пло-
хие!“ Скажем: „Вещь хорошая, но
ей совсем не идет"... - „Не завидуй!“
- „Да не завидую я, но это же так!“ -
„А не твоего ума дело! Человек для се-
бя покупал, а не для тебя. И не ба-
лаболы попусту!“

- брать деньги в долг. Выкружи-
лись, как могли, но не брали. Сидели
на картошку и капусту, затяги-
вали потуже пояс и начинали
постыдиться. Я знала: все соседи за-
нимали друг у друга деньги на
хлеб, молоко... Наши - нет. Почему?
Когда подросла, узнала.

Дедушка стал полнеть. Все об-
радовались - значит, здоров. А вскоре
поняли: он пухнет от голода. За-

36

Сургутская пара

Шиман

Фадей Дмитриевич

1881 - 25.07.1955

Шиман

Прасковья Тераسیمовна,
урожденная Зуева.

1894 - 23.08.1990

париковами: что делать? Как ни крути - надо покупать корову. Пять тысяч маскредби, а где взять двадцать? Подсказали. Обратились за помощью - пообещали дать в долг. За деньгами пошел дедушка. Ему выложили на стол пакки куртор. Он, человек честной, совестливый, постыдился проверить. А когда домой пришел и начали считать, то оказалось: в каждой тысячной пакке недоставало сотки. Корову купили и деньги отдали все по уговору. Сорить, ругаться - ни-ни, но тяжелейший осадок остался. Только бабушка иногда, вздыхая, говорила: "Деньги портят человека".

Придет беда - ни злобы, ни отчаяния, ни проклятий... Стыскивали крепко зубы и с необъяснимым упорством, засучив рукава, барахтаясь изо всех сил, стремились выплыть, подняться.

4

В семье не было деления на мужскую работу и женскую. Кто первый приходил домой, тот и занимался хозяйством. Дедушка умел делать всё: шить, варить, вязать, плести... Отказывался только доить корову: "Я же всё-таки мужсек!"

С наступлением тепла начиналась отчаянная борьба с мухами. Как ни береглись, замечало это окаянное племя через форточки, двери. В борьбе с ними все приемы хороши: развешивали липучки, в блюдах лежали мускоморы, посыпанные для припавки сахаром. Тонями их тряпками, скрученными полотенцами. Потом появилась мухобойка: дедушка прибил к пакке кусок резины, и мы объявили мухам войну. Позже узнала: мухобойка - величайшее китайское изобретение.

Когда устанавливается жара,

В сених открывался большой сундук и из него вынимались валенки, туфлы, пальто... Всё это выносилось во двор, развешивалось на изгороди для просушки. Сундук мамин, сушили, проверяли, нет ли щелей. Просушив, на дно клали какие-то травы. Потом укладывали вещи, засыпали нафталином и до зимы не открывали. Мамы у нас никогда не было.

Но шавное место в нашей жизни занимала стирка. К ней необходимо подготовиться. В силу вступало правило: прежде чем что-нибудь сделать, собери всё нужное, чтобы потом "не прыгать". Воды требуется много, поэтому заполнялись все имеющиеся ёмкости. Во дворе натягивались веревки. Всё собиралось, сортировалось. Тростынки, поддевальники, наволочки, полотенца замачивались. Когда в большом баке закипала вода, в него заклады-

валось растертое (нарезанное) мыло и замоченное белье, которое периодически переворачивалось деревянной палкой. После кипячения этой же палкой белье переносилось в ванну и отстирывалось на стиральной доске. Затем в нескольких водах тщательно выжималось, вручную отжималось и развешивалось, закрепляя прищепками, чтобы ветер не унес.

После сушки всё собиралось для маженин. Памято еще, как бабушка маматывала полотенца, простыни накатки (толстые, маджо обстриганные палки) и рубельем (деревянная доска с вырубленными поперек желобами) прокатывала. Для этого нужна была споровка и сила. У меня получалось плохо. Зато как красиво и ловко это делала бабушка!

Потом в доме появился ^{ручной} утюг, большой, тяжелой , его разогревали на

раскаменной плите. На смену ему
пришли более уютно: их нужно бы-
ло разжигать: откинуть крышку,
положить в него угли. Тут два вари-
анта: если топилась печь, осторож-
но кощерлой отодвинуть их и перека-
тить в шумовку, а из нее, не рассы-
пав, в уют; у нас в запасе всегда
имелись холодные угли, которые ук-
ладывали на дно, сверху - мелко на-
ломанную муку, поджигали ее и
опускали крышку. Потом брали
уют за ручку и на весу раскачива-
ли его. Если не разжигался, дули в
отверстия. Это нужно делать осто-
рожно, зажемурившись, иначе засо-
ришь глаза. После разогрева начина-
лось тщательное жарение с двух сто-
рон и всё складывалось в кошик.

У каждого была своя работа. Мая-
скоблить пол. Для этого предназна-
чен специальной половой нож с не-
сшибаемым лезвием. Когда все уxo-
дили из дома, я мошила тряпкой

доски; не торопясь, держа двумя рука-
ми нож, ровно выскребивала пласки.
Здесь нужны сила (тогда я не знала,
что испортил руки) и терпение. Счита-
ла вешиком соскобы и чистой водой
промывала пол. И так вышцала кон-
нату, кухню, проходную, сени, крыльцо.
Это делалось по субботам ежеме-
дельно. А в остальные дни подмета-
ла пол влажным вешиком, выхлоп-
вала дорожки и ровно расстилала.
В доме всегда было чисто и уютно.

Послевоенные дети взрослые ра-
но. Родители работами, а у нас -
своя забота: караулить, когда в ма-
газин привезут хлеб и отovarить
карточки. Как бы малы не были,
знали: зашуровать мезза - оста-
нись холодным. Поэтому с само-
го утра толпились около магазина
и честно выставляли в очереди,
подменяя друг друга. По карточкам
давали булку с довеском. Булку

прикосимся долой, а довесок нам разрешалось съедать, что мне и дедом с большим удовольствием. А зимой его посыпали снегом, будто сахаром, и от этого он казался еще и сладким.

Из села Ватурино, то на Чуломне, привезли на лечение Ивана Игнатьева, мужа бабушкиной младшей сестры Надежды Тетрашиной Звеной. Его подвезли и выписали из больницы. Мил он у нас. Дедушка был еще слаб и один ехать не мог. Нужен провожатый. Моих дедов с работы не отпустили. Мне 12 лет. Что делать? А Иван говорит: "Чувствую - скоро смерть. Хочу умереть дома". И тогда бабушка решает: "Люда, повезешь деда Ивана". Я согласилась. Ехать нужно трое суток с двумя пересадками.

Лето. Народу так много, что бабушка достала билет только в нижний ярус - в трюм, рядом

с топкой. Пока стоим на пристани, было хорошо: дедушку спустили вниз, уложили, мне дали сумку с едой, ему - деньги на проезд. Он приободрился маленько, заулыбался: дедом едет. А когда провожающие ушли, котелары отодвинули задвижки и начали кидать в топку уголь, полыхнуло таким жаром! Всё затряслось, загремело, загрохотало.

Дедушка что-то говорит, я ничего не слышу. Наконец, поняла: накрыла его голову пиджачком. Но он вряд ли спасал от жарота. Духота, дышать нечем. Отойти не могу - надо деда отпаивать. Но он малодушен - держался. Когда нужно было его отвести в туалет, я подсодила к котеларам. Ни один не отказал в помощи: и в туалет водили, и на палубу выносили отдыматься, и опять вниз спускали, и чай приносили, а один раз - и горяченького супа.

Так прошли сутки. В Маманово мам помогил сойти на берег. Дедушка совсем ослаб, идти не может. Я посадила его на траву и пошла к речному вокзалу. На скамейке сидел мужчина с женщиной. Я к ним: "Дедушка болен, его надо положить". Они довели Ивана до лавки, уложили. Я взяла деньги и - в очередь за билетами. Стою и думаю только об одном: куплю куда угодно, только не в тrolley. Подошла моя очередь - объявляют: билеты только в каюты. Я не поняла: "Это около топки?" Кассирша засмеялась: "Это очень хорошие места. А ты с кем едешь?" - "С дедушкой. Он на скамейке лежит". Она подает билеты, сразу и так серьезно говорит: "Деньги и билеты спрячь, никому не показывай. Сиди с дедушкой, никуда не уходи. Поняла?" Я кивнула головой, билеты и сразу зажала в кулак, сунула руку в карман и скорей к дедушке.

8
Села к нему на скамейку, а он: "Купила?" Я мотнула головой. "Давай сюда", - и показывает на карман рубашки, застежки на пуговицы и рубку положил сверху. Отдохнув, мы поели, попили водички и стали ждать посадку. Вошли в вагон и сразу все легли спать. Проснулись незадолго до пересадки. Выспавшись, успокоившись, дедушка почувствовал себя лучше, и на берег мы вошли самостоятельно. На оставшиеся деньги купили билеты, в буфете - булочки, молока. Дедушка повеселел: дом близко. А я поняла: доведу его. До Батурика мы шли уже с удовольствием: о чем-то говорили, смотрели в иллюминатор.

Мы прибыли домой. Вся родня ажнула, а дедушка, рассказывая о нашем путешествии, приговаривал: "Самостоятельная!"

После этого я каждое лето ездила в Батурино. Всегда останавливалась у дедов и очень сдружилась с Надеж-

9. дой: она была похожа на мою бабушку и внешне, и характером. Теплый был человек. А перестала ездить после их смерти (сначала умер Иван, а через два года - Надежда).

Сколько себя помню, в комнате, в переднем углу, всегда висела икона. И даже в те времена, когда их прятали. Но поскольку часто ходили комиссии с проверкой чистоты квартир и дворов. Регулярно делал обходы участковый. Все видели икону. Бабушка стояла с таким лицом, что ни у кого язык не поворачивался что-либо сказать. Посмотрят, помолчат и уйдут. "А если заставят?" - "Не они вешают, не мы снимают", - был ответ, да с такой интонацией, что больше подобных вопросов не задавала. Я стала школьницей, пионеркой, комсомолкой - икона всегда на своем месте. И я знала, что так должно быть.

В семье никогда не говорили о ре-

лигии, никто не заставлял молиться, но все были крещеными, почитали православные праздники, ходили в церковь по велению души и сердца. Когда мои "продвинутые" родители отказались меня крестить (сами будучи крещеными), бабушка это сделала тайком.

У нас особо почитались три праздника: Рождество, Пасха и Троица. Накануне этих святок бабушка ходила в город. Там сестры собирались и шли в храм. Долой она возвращалась усталая, но довольная. Дедушка ставил самовар, мы садились за стол, пили чай с пирогами. Бабушка рассказывала, как прошла служба, как живут сестры, их дети...

Дедушка, православный, глубоко верующий в церковь не ходил. Только после его смерти бабушка рассказывала мне, как еще в деревне он поссорился с попом и чем это для него обернулось.

Однажды батюшка обходил дворы, а хозяева одаривали его. Таков был обычай. Дары всегда готовила бабушка. И когда ход приближился к их дому, вышел дедушка и сделал всё, что положено по обряду. Почему-то церковному служителю показалось, что даров недостаточно, и он возмутился. Дедушка не сдержался, возразил. Слово за слово — поругались. А во время вечерни батюшка публично осудил его и отлучил от церкви. С этого времени дедушка определил для себя: вера — верой, а церковное служители — это — другое. И приговаривал: „Надо жить по вере, а не говорить о вере.“

Мои деды жили по заповедям, поэтому и встали в такие годы революциям, войн. Вырастили своих детей, приотчили Марусю, Тоню, меня. Дорожили родством. К ним ехали отовсюду. Всем были рады, для всех — добродетельность, угас-

шие, посильная помощь и радость общения.

На Рождество ставили елку, развешивали игрушки. А они — совершенно замечательные: зверушки из двояково-выпуклого тисненого картона; ватные куколочки, покрытые лаком и блестками; разноцветные стеклянные бусы; разрисованные картички, сценки в ширинки; шары, красивая стеклянная лагушка. Елка прочно укреплялась на крестовине. Свечей и бенгальских огней не было — боялись пожара. Но зато много конфет, подвешенных за фантики и пряников, обернутых в фольгу. И такая красавица стояла долго. И так же долго в комнате пахло лесом и смолой. Разбурчалась она, когда начинала опадать еволя.

Взрослые делали детям подарки: в бумажный кулек клали конфеты, сыпали кедровые орехи, обязательно — яблоко, а иногда и ма-

даринку. Сколько же было счастья!

А перед Пасхой - еженощная масштабная уборка. Из квартиры на двор выносились все: и одежда, и мебель. Так как потолки высокие, пригласились побельщики - это были только мужичины. Они белили вручную: к длинным палкам привязывали кисти из мочала, макали их в ведро с известью и, держа на вытянутых руках такой "аппарат", белили.

Потом всё мылось, стиралось, сушилось, заносилось в дом, развешивалось, расставлялось, выскабливались полы, стелились чистые дорожки... У-ус! Зато чисто, свежо, празднично.

На Пасху красивые яйца луковой шелухой. Их заранее накапывали для всей родни и детских игр. Утром бабушка посылала меня к родственникам с поздравлениями и дарами, а потом вся

наша детская компания шла в школу "катать" яйца. Набравшись, мы "бились": чье яйцо крепче. А потом все вместе их ели. Домой прибегали радостные, рассказывали, кто сколько выиграл. Привирали, конечно. Настроение праздничное - Пасха!

Однажды Якушинская бабушка подарила моей писанку. Потому как и с каким лицом она вошла в комнату и как осторожно положила ее на блюде, я поняла: что-то необычное. Увидела - ахнула! Оно было расписано такими нежными красками и такой точкой кисточкой, что засвечивало дух. Кто рисовал, не знаю. Но до сих пор вижу: лес, река, трава, очень-очень нежное голубое небо с редкими облаками и прямые лучи света, направленные вниз, на землю.

- Бабушка, давай сохраним.
- Не получится, - вздохнула она.

- Почему?

- Оно вареное, протухнет. Вот если бы сырое, можно сохранить.

- А как?

- Я бы иду на кухню, аккуратно дочую ложку протерла, белок с желтком выпустила, скорлупу просушила и напалькала воском. Оно бы долго хранилось.

Сама ли она это придумала, кто-то ли ей рассказал или очень мне хотелось его сохранить - не знаю. Яйцо пролежало на комодке два дня и исчезло. А воспоминание осталось дивное - первый раз я увидела настоящую красоту.

На Рождительский день и на Троицу вся многочисленная родня собиралась у нас. Сначала шли на кладбище. Вернувшись, обедали, отдыхали. Посидев у самовара, выходили во двор: женщины рассказывались на крыльце, мужчины выносили стулья, табуретки, скамейки и

12
устроивались на лужайке. Начинались воспоминания о прошлом, говорили о нынешнем... Тут же дети всех возрастов. Наговорившись вдоволь, начинали петь русские, белорусские, украинские песни, веселые и грустные. Каждый вспоминал родные края, родственников. Все затихало, вытирали слезы. И тогда выходил дедушка со своей горляночкой. Пальцы - по кнопкам. Женщины поднимаются, локоточки кверху и - и-ис! Слез как ни бывало...

Вечером расходились, разъезжались. Прощались, обнимались, троекратно целовались, передавали приветы, желали здоровья, кланялись, массажили рукой, вытирали платками слезы.

Дома становилось тихо. Бабушка мыла посуду, дедушка заносил в дом стулья, табуретки. Не было разговоров, каждый думал о своем. Так продолжалось годами.

Потом стали уходить из жиз-

ни сестры Зубов. Первой - Елизавета. Бабушка сказала мне: "Пойдем в город. Елизавета совсем плохая". Мы вошли в комнату. Она уже не вставала. Бабушка подошла к ней. Они о чем-то тихо поговорили, поцеловались. Это была их последняя встреча. Ушли в мирной братья и сестры Шиманов. Родственные связи ослабли и совсем оборвались...

На Троицу бабушка приносила в дом зеленые веточки и ставила их в банку с водой на подоконник. А еще я знала: именно на Троицу проснусь, а рядом с кроватью будет стоять дедушкина скамеечка, а на ней - на блюдечке белые носочки и кондретя-подушечки.

Куры - дабава Нелли и Гали. Я подходила, рассматривала их - и только. С дедушкой мне было интересней. Я с ними месила гли-

ну, раскладывала по спичечным коробкам, бросала в печь. Когда дрова сгорали, моя кошкой разгребала золу и находила маленькие кирпичики. Из них строили домики с окнами и дверями. Ули замесивали тыквенные семечки в блюде, тряпочкой прикрывали и каждое утро смотрели, как они постепенно разбухают, потом проклевываются, появляются росточки. Тогда в огороде выкопали грядку, делали лунки и клали в них семена; засыпав землей, ладонью ладонью похлопывали, чтобы не было бугорка. Вдоль втыкали пруттик, привязывали к нему тряпочку - метили место. Поливали, пропалывали, ждали, когда зацветет, завяжется плод, созреет. Сажали мы и кукурузу. Выросла высокая, с крупными початками, но не созрела - лето короткое.

А еще мы с дедушкой мочили семечки целовать. Пойдем в огород,

Сестры Зуевы

23

Слева направо:

Полина Терасимовна, Авдотья Терасимовна,
Надежда Терасимовна, Грасковья Терасимовна.
На фото нет Елизаветы Терасимовны.

Родственники

Зуева
Елизавета Терасимовна
(в записке Петрова)

Петрова
Аксинья Поликарповна,
дочь Елизаветы

он выберет спелый подсолнух, срежет головку, ошпарит ее и разломит пополам: себе и мне. Иногда к нам присоединялась бабушка. Исадемся на крыльце — и только лузга струей.

Однажды я ойкнула.

— Что с тобой? зуб сломала?

— Нет. Язык боится, а щелкать хочется и хочется.

А когда у меня начали расшатываться молочные зубы, я ни одного врача не допустила до себя.

„Лечил“ только дедушка. Он отрезал крепкую нитку, один конец привязывал к зубу, другой — к дверной ручке, потом со всей силы пинал дверь. Она раскачивалась — зуб вылетал. Дедушка брал его в руку, что-то шептал и кидал в печь. Бабушка на это смотреть не могла. Она сразу же уходила на кухню, приговаривая: „В семье два дурака: один старый, другой малый“.

Я всегда любила поговорить.

Иногда забавлялась и улетала так далеко и высоко... Бабушка не выдерживала: „Не учишь братья — учишь бога мамиться“. А дедушка по голове погладит и спросит: „Хоть потишишь, что это не ты, а язык твой языком плетет?“ — „Да. Но так хочется поговорить“... Он прижмет меня к себе и тихонечко вздохнет. Видимо, ему иногда тоже хочется о сокровенном сказать, но привык молчать. Да и бабушка не очень говорливая была: „Язык не только до Киева доведет, но и до большой беды“. Времена — то суровые: перевидали, пережили, перетерпели. Никогда никого не осуждали, но предупреждали: „Смотри, будь осторожна.“ или „Это микромелкий человек: ни богу свечка, ни черту когерьша! Держись подальше!“

В августе, когда бывает звездопад, дедушка выводил меня на террасу и мы смотрели на небо. В эти минуты он никогда не разговаривал.

Мы молча сидели и следили за па-
дающими звездами. Бабушка не
любима маме посиделки и всегда
ворчала: „Ребенку спать надо, а ты
приучаешь ее шнырять по ночам“..

Хозяйство наше небольшое: ко-
рова, поросенок, куры. Но хлопот
много: для коровы нужно зало-
тавливать сено. Делянку для покоса
выделяли только маме, кто
делал лесопосадки и ухаживал
за саженцами, которые выдавал
лесник. После работы дедушка
брал косу, ухаживал и шел на свой
участок. Косил траву, сушил, сгре-
бал, складывал в стог. Бывало
и так: приедет на телеге, а сто-
га нет - украли. Вот когда сено
домой привезет, можно вздох-
нуть облегченно: зиму проживем.

А с поросенком другая забота:
отруби. Их в посадку привозили ред-
ко. Тут уж - не прозевать, купить

в достаточном количестве. Так как
в одни руки давали установленную
норму, то всем домочадцам прише-
лось стоять в очереди. Зато знали:
зимой будет мясо.

А еще дедушка каждый день при-
возил воду. В сених, в ушю, стоял по-
разительной крепости венский стул,
на нем - кадка с водой. Каждый
день он сливал верхшние остатки,
тщательно прополаскивал емкость,
устанавливал наклонно, чтобы про-
сушилась. Вязку - на санки и к
водокачке. Напылит ее и остороже-
но везет домой. Перельет воду в кад-
ку и закроет крышкой с отверсти-
ем, чтобы „не задохнулась“, а свер-
ху - ковши. У нас всегда была свежая
вода в достаточном количестве.

Дедушка постоянно в работе:
топит печь, чистит картошку, ва-
рит суп, делает покупки, выскабли-
вает стойло, поросятый залок, ме-
тит двор, откидывает снег... Он ни-

когда не считается, всё делает основательно, не торопясь. Когда я спрашивала: „А в деревне вы бедно жили?“ отвечал: „В деревне худо жили только вдовы и пьяницы. У работающих всегда был достаток“.

Каждой вечер для утренней растопки заготавливает лушину. Долго и придирчиво выбирает поленья, приносит его на кухню, усаживается поудобнее на своей скамеечке возле духовки, зажимает коленими, берет большой нож и ровненько отщипывает лушину за лушиной, потом собирает все и расставляет на печке для просушки.

Всю обувь в доме он чинил сам. Для ботинок и сапог заготавливал деревянные гвозди: подбирал подходящую пластину, заострял низ ножом сначала с одной стороны, затем с другой, поворачивал заостренную часть вверх и начинал наре-

зать палочки-гвоздики (V). Работа медленная, кропотливая. Затем закрепили сапог или ботинок, наклеивал заранее приотобленную подметку и ставил на просушку. Потом шилом проткнет дырочку, вставит „гвоздик“ и забьет его. И каждый раз пальцем изнутри прощупает, не торчит ли кончик. А если почувствует его, аккуратно маленьким ножиком срежет. И так всю подметочку обобьет. А чтобы пяточке было „празднично“, из старого валенка вырежет стельку и приклеит. Тепло, мягко, удобно...

А валенки подшивал по-другому. Сначала готовил драгву: скручивал нитки, сшил. Они становились прочными, при намокании не гнили, не рвались. Доставал швы с большими ушками, вдевал драгву, прокалывал шилом накладку вместе с валенком, одновременно снизу и сверху друг другу навстречу вставлял швы

в прокол, протягивал нитки, а потом, взяв их у основания шва, натягивал. И всё сначала. Валечки носились долю.

Я помню все виды нашего домашнего освещения. Поселок электрифицирован. Но свет часто отключали. Если мне нужно делать уроки, зажигали керосиновую лампу. И все усаживались вокруг стола. Я решаю примеры, бабушка читает книгу или газету, бабушка вяжет носки. Уроки закончены — бабушка из тряпочки или ниток скручивает жгутик, раскладывает его на блюде, один конец поднимает на край посуды, наливает немного растительного масла и зажигает фитишек. Получается слабенький светильник. Дышать в его сторону нельзя: погаснет. Мы слушаем радио: в те времена по вечерам часто передавали спектакли. Обычно, я вскоре засыпала. Свети у нас были, но их зажигали редко.

Шло время. Наши девчата: Вера, Маруся, Мотья — вышли замуж. И остались мы в квартире вдвоем: бабушка, бабушка и я. Стало непривычно малолюдно и просторно. Появилось мясо, и мы теперь готовились маваришней. По воскресеньям пекли пироги с капустой или картошкой. И как-то было тепло, душевно.

По вечерам мы любими сидеть на крыльце. Это — наш «клуб». Большое, чистое, удобное. У стенок, рядом с окном, — лавка. Но мы любими сидеть на ступеньках, лицом к роузе. Наша жизнь тесно связана с ней: вместе росли, выросли, старели... Она — свидетель всех радостей и печалей, тревог и забот. И каждое утро встречали новый день и провожали его.

На крыльце мы отдыхали, вели разговоры, играли, играли в лото, домино, «подкидного дурака». Весной, летом, осенью ря-

дом с нами усаживались знакомые, соседи, гости; обменивались новостями, решали "мировые" проблемы.

Когда не было гостей, мы просто отдыхали. Каждой думал о своем. Именно здесь я впервые почувствовала, как приятно иногда вместе просто помолчать.

И всегда перед нами наша роща. Весной следим, как оживают березы, одеваются зеленой дощечкой, появляются первые листочки. Потом зелень темнеет, желтеет, опадает. Зима. Так мы и жили с березами год от года.

Когда я стала жить у дедов, то очень обрадовалась тому, что они любят книги и чтение вслух. Вера по вечерам прочитала нам весь роман Л. Толстого "Анна Каренина". После ее замужества читала вслух начала я. Особый интерес бабушка проявила к роману Маркова

"Строговы": "Наши места!" Иногда останавливала меня и начинала вспоминать:

— Докатились до деревни новость: красные в Толске! Все переполошились: слышать — слышали, а видеть — никто не видел. И решили бабы красных посмотреть. Запрягли коней, поехали в Толск. Сидели, песни поем. Видим: навстречу летит всадник: "Бабы, куда?" — "В Толск, красных смотреть!" — "Гуды ваму растуде! Вертай, бабы, назад — там стреляют!"

Пришло время, посмотрели и красных, и белых. Прятались в тайге и от тех, и от других. Катые жили; мужиков, баб порохи — только стои стояи. Увидели, как "отца убили в первой сватке, а мать живьем сожгли в костре" и как "горит земля, горит родная, горит вся родина моя"... Дед Костя, замешкавшись, не успел выкрикнуть

в окно; заслышав звон шпор, от страха забился под печь. А оттуда его уже вырубали. Бабушка с четырехлетним Алексеем (моим отцом) не смогла выйти из дома: во двор въехали белые.

— В дом вошли два офицера, а я с ребенком на руках под образами стою. Он так испугался, что даже плакать не мог. Один офицер говорит другому: "Смотри, как ребенок напугался". Я плачу, а Алексея весь белый, зубами шевелит, а звука нет. Визгу: сейчас его родимик хватит! Что делать? Бросимся к кладке, схватим ковчег с водой и давай на него брызгать. Он очнулся, закричал. Офицеры повернулись и ушли. А я совсем голову потеряла: мужики в тайге, на улице войти боюсь. Здесь белые или нет — не знаю. Страху — то катерпелась... А было ей всего 21 год.

— А чего Алексея испугался?

— Да я молодая, глупая была. Он напугал, а я пугаю его: "Вот придут красные, вот придут белые и возьмут тебя с собой!" А когда пришли, от страха он чуть не помер.

— А как же ты его потом воспитывала? Чем пугала?

— Вот придет бабай и унесет с собой!

— А как Зуевы в Сибирь попали?

— У моего тятя было пятеро дочерей. А землю давали только на мужскую душу. Вот и считай: тятя, мама и нас пятеро, а надел один. В то время аштанзия была: иди, поезжайте в Сибирь, там землю дают. Решился тятя в дальние края поехать. Его женатый брат, учитель, уговаривал его оставить меня ему (у них детей не было). А тятя говорит: "А своих детей не дарю. Все со мной поедут."

Так по Столыпинской реформе в 1908 г. приехал Герасим Зуев со своей семьей из Смоленщины в Си-

бирь. Добрались до Толска, потом на пароходе "Дрокит" прибыли в г. Вознесенка. Земли получили много, а осваивать ее некому: надо рубить лес, корчевать пни, строить дом, пахать, сеять, а мужичина в семье один. И вынужден был Терасим отдать дочерей "в люди". Овдовев, женился вторично. Подчеркнуты молодой жене не были нужны (бабушка очень неохотно о ней говорила, только однажды сказала, что у нее родился сын. А родную-часть вспоминала с теплом. Было удивительно слышать, как на девятом десятке она с лаской улыбкой говорила: "А мама на свадьбу подарил мне швейную машинку "Зингер" (она и сейчас в рабочем состоянии находится по адресу Амурская, 1).

Прожил Терасим долгую жизнь. Стариком был непосредственным и упрямым. Погода-непогода, а люди ходили пешком из деревни в деревню.

Однажды зимой пришел к "дочке Пашеньке" погостить. Побоя несколько дней и засобирался. Никто не смог его остановить. Все уговаривали: "Подожди, сейчас коня запряжешь, отвезем домой." Нет и все: "Пойду пешком, никаких коней!" Отправился один, а до дома не дошел. Искали долго и везде. По всем деревням ездили. Так и не нашли. А вспомнил мой Терасима, когда бабушке исполнилось девяносто лет и овладел его "дух странствий". Уговаривать, остановить было невозможно. Это продолжалось до тех пор, пока не заблудился в городе: села на автобус и поехала неведомо куда. Напугалась сильно и после этого стала послушной.

Моя бабушка, Трасковья Терасимовна, работала прислугой в семье аптекаря. Хозяйка вспоминала всегда с доброй улыбкой: "Хорошие были люди."

- Работы много, очень уставала, но я дожили эти места: отно- шение ко мне было доброе. Хозяй- ка требовала, чтобы девочки не ка- ризничали, по пустякам меня "не шлепали": часто с записочками пово- лали. Однажды ей показалось, что младшая дочка разговаривала со мной грубовато. И она потребовала, чтобы девочка извинилась. Я пе- ренурилась и говорила: "Барыня, не надо, я ее простила". А она: "Ты по- ледкивай, тебя это не касается!" - "Извинилась?" - "Да. С ними у меня хорошие были отношения: я соби- рала, отводила в школу, потом приводила домой, утешала их тай- ны, иногда утешала. А старшая часто расспрашивала меня о де- ревне. Однажды сказала: "Сегодня мы слушаем стихотворение про вашу деревенскую жизнь. Называется "Пе- жатая полоса." И прочитала по

книжке. Оно мне понравилось; я всмак- нула немножко, вспомнила дерев- ню, тятю. Так пусто стало...

А когда аптекарь со своей семь- ей собрался уезжать за границу, то хотел взять Ташу с собой, но Терасим не отпустил дочь с мамой: "Все сватают, я дал согласие". Апте- карь ему: "Ну и дурак". С Ташей они расстаются по-доброму: дали денег на свадьбу, подарил семейные фото- графии. Бабушка хранила их долго (более 20 лет). Но во время спешного отъезда из деревни они потерялись. И при воспоминаниях, выдыхая, с жеманством повторяла: "Не сберег- ла, не сберегла"...

Шестнадцатилетней, она вышла замуж за Шимана Федя Димит- риевича. В 1914г. родился сын Алек- сей, потом Елена, Вера, Николай. А когда грянула коллективизация и поехали слухи, что объединять

Будут все, вплоть до жем, решительно сказала: „Нет“. Дедушка же пошел на собрание. Оно было долгим. Вернувшись поздно вечером, заявил: „Я записался в колхоз“. Бабушка, мама, сама запрягла коня и ночью одна навсегда уехала из деревни в город. Спустя некоторое время туда же с детьми отправился дедушка. Ум было пришлось маяться: ни жемья, ни работы. Потом просились санитары с предоставлением жемья. Казалось, можно перевести дух. Но младший сын Коля не отвык еще от деревенской вольницы и, стреляя из рогатки, нечаянно разбил соседское окно. У Фрина, маврача, нрав был крутой: порядок в поселке нарушать недопустимо. Он приказал всю семью выселить на Куртинное (в километре от поселка) в солдатский барак. Через три года их вернули и дали квартиру в красивом де-

22
ревянском доме на ул. Кукузова, 4. Хороший дом в березовой роще, большой огород, рядом школа, работа. Жизнь начала устраиваться. А через несколько лет - война. Откомив школу Колю с одноклассниками (всеми классами) добровольцем ушел на войну. Прощаясь, он протянул бабушке сверток: „Мама, сохрани. Когда вернусь, отдашь“. После проводов бабушка развернула его - там лежали рогатки и деревянный пистолет. В 1943 г. девятнадцатилетним пошел на Курскую дугу... В 70-е годы сверток еще лежал в кладовке на верховней полке.

В 1947 г. - беда с Алексеем. Бабушка выдержала и этот удар. Не слабилась, не озлобилась. Приоткрыла Марусю, Мокню, меня. Надо жить дальше...

В доме всегда была кошка. Ум - рала одна - появлялась другая. Бабушка умела их воспитывать: ни

одна никуда не лазила, не прыгала, ничего не таскала и не царапала. Каждая всегда знала свое место. Если засочет молока, подойдет к кошке, потрется, тихонько мяукнет — есть просит. Напьется, клубочком свернется и спит. Днем на улице гуляет, а ночевать всегда приссодит домой.

На крыльце у окна прибит почтовый ящик. Она прыгнет на лавку, с лавки — на почтовый ящик, мяукнет и царапнет лавкой стекло. (Как приучили, не знаю. Но факт остается фактом — свидетелей много.) Бабушка вотает, запускает ее в дом, наливает молока, ложится спать, а кошка укладывается у нее в ногах.

Никто никогда не брал их на руки, не давал им имен, не гладил, не играл: "Это зверь, а не баловство". Если требовалось позвать: "кис-кис — и всё".

Собака у нас не была. Только однажды приобрели щенка, ему поставили у крыльца черепушку с едой. Он прижился. К зиме сделали конуру. Выросла хорошая собака. Ее не привязывали, бегала свободно, но дом сторожила хорошо.

А однажды бабушка принесла в трехлитровой банке "живой гриб". Это нужно было "кормить": наливать сладкую воду и периодически мыть. Он у нас прижился, начал рассииваться, и бабушка раздавала его всем желающим. А сок мы помели: очень приятный на вкус. Марлеку на горлышко банки накатаем, крепко завяжем, всего жидкость перельем в другую посуду, свежим сахарным раствором гриб замьем — нам полезно и ему хорошо. Долго он у нас жил.

Так как бабушка вязала для всех чулки, носки, рукавицы, то в доме была с соответствующими

аксессуарами. Она на базаре покупала шерсть, и к работе сразу подключалась я, так как ее нужно „субботить“, т.е. очищать: брать немножко шерсти и растягивать ворсинки, убирать сор и сепья. И так, пока не переберем всю. Очищенная шерсть (кудэль) привязывалась к прялке. левой рукой вытягивалась тонкая нить, а правой крутилось веретено, на которое наматывалась нить. Частенько она пропускалась через самопрялку. Нажимаешь на педаль, колесо крутится, на катушке — готова крученая нить. И бабушка навязывает всем теплые носки.

Иногда даже руки чесались, как хотелось поозоровать. С кем можно пошутить? С дядей Витей? Не-ет. С тетей Леной? Можно подзатыльник пошутить. С соседями? Нельзя. А так хочется! Остается бабушка. Она у

нас с юмором, поймет, не рассердится.

Я и Тая взяли нитки. К одному концу привязали картофелину, прикрепили ее к оконному переплету так, что если за нитку потянуть, то клубень, покачиваясь, стучал по стеклу. Разматывая катушку, мы дошли до стайки и стали ждать, когда стает. Бабушка выключила свет и легла в постель. Мы потянули за нитку. Раздался стук в стекло. Потопаи еще и еще. Бабушка прислушалась, поднялась, посмотрела в окно и вышла на улицу. Аккуратно сняла картошку и начала на нее наматывать нитку. Чтобы не порвать, мы потихоньку отпускали ее. Так она перемотала весь горок, занесла нашу „шутку“ в дом и повесила на спинку стула. Мы остались в дурацком. Утром, не поднимая головы, я перемотала нитки, а клубень положила в корзину. Бабу-

25
25
ше мне уже не хотелось озоровать. А бабушка как ни в чем не бывало разговаривала с маме. Уж лучше бы отругала!

Работая, она любила неграмотно напевать. Голос у нее небольшой, но чистый; музыкальный слух и память фантастические. Она на лету запоминала мелодию, слова. И пошла вездь до дому. Напевала всё, что слышала по радио. Не любила только песню "Вот кто-то с горочки спустился". Заслышав её, сразу выключала радиоприемник. Почему? Красивая песня. Может, с ней что-то связано?

Ей было уже за 80, когда мы говорили: этому передай то-то, другому - то-то, третьему... И всё передаст и ничего не переопустит. Она неграмотная, хотя знала все буквы. А может, не хотела читать, так как была глупо уверена, что от глупости не

рывается зрение. Ни не испытывала потребности: через радио получала большую информацию. Любила со мной ходить в кино, с удовольствием смотрела телепередачи, оперу "Евгений Онегин", не отрываясь, прослушала всю. Она умерла на 97 году, до самого конца сохранив ясность шлову.

А как быстро и точно умела считать! Пока продавщица в магазине передраховывала костюмки на весах, она уже в уме сосчитала и из кошелька достала нужную сумму. Борис всегда удивлялся: безграмотная, а как быстро деньги считает!

Бабушка со всеми искренне гостеприимна. Кто бы ни пришел, она кастрюлю - на плитку, картошку порежет, бросит немого лавши, заправит чем бог послал и угрожает: "Поешь супу. Хотя простенький, но свежий и горячий."

Никогда не поучала, не навязывала своего мнения, но остерегала: „Не взлетай высоко - низко падать придется“. А пословицы и поговорки знала много и употребляла всегда по делу. Они были понятней, точнее, жестче: жми, как крапива: „Много знаешь, да мало понимаешь“, „Знай свой край, да не падай: на то человеку и разум дан“, „Как собака на сене: и сам не там, и другим не дам“, „Пьяный простится, дурак - никогда“, „Дружба дружбой, а денежки - врозь“, „Заставь дурака богу молиться - он и лоб расшибет“, „Дурочки не сеют, не жнут - они сами растут“, „Лучше с умным потерять, чем с дураком найти“, „Избави, бог, от друзей - от врагов сама отобьешься... Это можно перечислять долго.

Иногда некоторыми словами она придавала свое значение. Именно от нее я усвоила словосочетание

„умный дурак“ (умный - всё понимающий - это образованный)

- Бабушка, это как понять?
- Думаешь, если образованный, так умный. И среди них есть дураки. Вот и получается: умный дурак!

Ну что тут скажешь? Махнешь рукой и засмеешься...

У моих дедов многое было первым: радио, электричество, автомобиль, самолет, спутники... Бабушка дожила до первого полета человека в космос, до телевидения. Удивлялись, ахали, но быстро привыкали. Дедушка радовался первой электролампочке, но долго еще крутил кусок провода и говорил: „Не понимаю, откуда свет берется?“ Ему объясняли, но он упорно повторял: „Не может свет бегать по проводам: ведь тогда изба сгорит!“

А бабушка любила рассказывать, как первый раз увидела самолет: - Видим: над деревней что-то большое

процеслось, на полях село. Мы туда.

Появляется вдруг совсем непонятное: человек - не человек. Вроде человек, а голова и глаза большие. К нам идет. Мы перепугались, начали креститься. Кто-то крикнул: „Нечистая сила!“ Все бросились бежать. Он-за нами, кто-то кричит. Мы по домам, двери заперли, дрожим: что теперь с нами будет? Потом узнали: топливо кончилось, а летчик хотел у нас спросить, есть ли в деревне связь с городом. Так я первый раз увидела самолет и летчика.

Последние годы жизни бабушка жила у младшей дочери Веры. До конца сохранила юмор. Однажды пришла к ней и вижу: посреди комнаты стоит бабушка со шваброй.

- Это что такое?

А она в ответ:

- Вот стою и думаю, кто кого держит: я - шваброй или швабра - меня?

Ложалась она всего несколько дней.

Все понимали, что это конец, и не отходили от нее. 23 августа 1990 года.

Вера подошла ко мне и сказала:

„Иди давай, отдохни. Я посижу с ней. Придешь через час. Когда вернулась, Вера открыла дверь, и по ее лицу я поняла: всё... Растерявшись, села рядом с бабушкой и начала растирать ее лодные руки: не могла поверить, что она ушла, не простившись со мной.

Вера пыталась меня остановить. Вдруг бабушка открыла глаза и ясно сказала: „Люда“, приблизив мои руки к своему лицу. Закрыла глаза - и все...

Я и Вера были поражены произошедшим. Мы долго сидели молча. Потом Вера дала мне какую-то церковную книгу, и мы с ней по очереди читали ее вслух...

В день похорон гроб с телом привезли на ул. Кутузова, 4 и поставили на муршайке. Прощаться с ней при-

ими соседи и все, кто знал ее. Приехали родственники. День был теплый, солнечный. Вдруг откуда-то появилась небольшая тучка, прошел маленький, очень скорый дождь, и опять стало ясно. Так небеса оплакали её...

Я рано записалась во взрослую библиотеку. В ней работала Зинаида Александровна Камлатка, жена главврача больницы, умная, душевно тонкая женщина. Она очень тактично руководила моими чтением, и я вошла в мир мужской книги в мужское время, за что благодарна ей до сих пор. Зинаида Александровна подбирала хорошую литературу не только для меня, но и для дедушки (он любил исторические романы). Я бездумно "глотала" книги: следила только за сюжетом, непонятное пропускала, стремилась поскорее узнать, чем закончатся описыва-

емые события. Подрастая, почувствовала вкус раздумчивого чтения: угадывала, что это не времяпрепровождение, а нечто большее.

А у дедушки все было по-другому. Возьмет книгу в руки, подержит, о чем-то подумает, положит. Потом нагибает с ней знакомиться: рассматривает со всех сторон; не торопясь, раскрывает, полистает; если есть иллюстрации, внимательно разглядит; обязательно прочитает вступительную статью, последние страницы. Иногда говорил: "Томский, читать не буду." И дело не в том, что благополучные или неблагополучной конией, аnutром (скорее жизненным опытом) чувствовал фальшь: "Так не бывает, выдумки всё!"

Он любил возвращаться назад, перечитывать заново; вздыхая, покачивал иногда головой, будто спорил. О чем он думал? Что его волновало? Так и осталось тайной.

29. Каждый год дедушка выписывал на почте себе "Красное знамя", а мне - "Пионерскую правду". Сместо вспоминаю мать, как я копировала его. Дедушка читает все подряд сверху вниз. Потом сообщает бабушке новости. Я сижу напротив и рассказываю про пионерские дела. И она не смеялась. А может, это ее интересовало? Благодаря таким вечерам, я приучилась читать газеты.

А еще мы любим радио. Интересно было всё: детские передачи, спектакли, художественное чтение, музыка классическая и легкая. Мы знали, актеров, музыкантов, певцов. По воскресеньям с 12 часов дня транслировались оперы. Послевоенное время тяжёлое: голодное, жёлодное, но культурно-образовательный уровень был высок. Он породил желание больше знать. И никто не заставлял нас учиться, никто не помогал делать уроки и не проверял нашу подготовку. Просто

каждый знал, что судьба его зависит от самого себя: будут знания - будет жизненная перспектива. И мы осознанно учились сначала в школе, а потом в вузе.

Дедушка не рассказывал о своём детстве. Когда овладел грамотой, кто его учил, где учился - не знаю. Говорил мало, но если увлекался, рассказывал интересно. Он был невысокого роста, крепкого телосложения, недюжинной силы. Всегда носил только косоворотки (исключу шила бабушка на машинке "Зингер", подаренной ей матушкой по свадьбу). Заядлый охотник. Один ходил на медведя. Однажды после неудачного выстрела косматый подмял его, пощипнул лапой по голове, сорвал кошку. Дедушка попытался убит зверя, а вырваться из-под него не смог - не сватило. Его нашим охотником. Медведя оттащили, кошку на голове расплюбили, силой раны замазали.

Выжили, но следы лисьи лапы остались на всю жизнь. После этого случая больше один на зверя не ходил.

Он родился в большой семье, рано остался сиротой и с малых лет начал трудиться. Много перевидал, пережили, перестрадал. По молодости брался за любую работу, даже буржаким. Когда в моем учебнике увидел иллюстрацию картины Фитца "Буржаким на Волге", долго смотрел, а потом тихо сказал: "Вот так я заработал гроши".

В поисках приработка судьба забросила его в Финляндию, которая поразила чистотой, порядком, семейными укладами, отсутствием замков, воровства. Это так зашло в голову души, что изумление переросло в желание такого же устройства своей жизни. Сколько себя помню, наша квартира никогда не запиралась на замок. Все знали: дверь на крыльце закрыта - никого в доме нет; от-

крыта: заходи - гостем будешь.

30
Сначала участковый уговаривал его повесить замок, потом начал сердиться. Дедушка знал: с лисьи ей сориться нельзя. Мы стали подпирать дверь веником или прислоняли метлу - сигнал, что хозяев нет дома.

Участковый, увидев эти "замки", пригрозил штрафом. И что же? Когда в следующий раз пришел проверить, то увидел: висит замок, а рядом, на большом гвозде, - ключ!

Ситуация разрешилась сама собой: в стране была объявлена масштабная амнистия. Под нее попали и уголовники. Начались разбои. Дедушка не только вставил замки, но и купил ружье.

В Сибирь он приехал вместе с братьями и сестрами (5 братьев, 2 сестры, 2 племянника) по Столыпинской реформе в 1908 г. из Виленской губернии, Дисненского уезда, деревни Войинка.

- Первую зиму жили на кварираге и работали вдвоем. Как только сошел снег, начали рубить лес и корчевать: выжили пни, выдерживали, выкапывали корни. Потом построили дома - так появился хутор Шиманы. В 30-е годы его присоединили к д. Царинишка. Мы были молодые, крепкие, здоровые. Работали много, земли достаточно - жизнь наладились. Если бы не коллективизация...

Дедушка курил самосад: в огороде всегда была табачная урядка. За ней он ухаживал сам. Имелась в доме и саморезка: в верхнюю и нижнюю доски вставляли острые зубчатые с прорезями пластины. Он за ручку поднимал верхнюю доску, клал, придерживая левой рукой, табачные стебли, потом опускал ее вниз - и мелкие крошки падали в поддон. Далее - сушил, и курево готово. Табак хранил только в кيسете, который всегда носил с со-

бой. Из газеты делал самокрутку. Курил только на курсы: сядет на скамейку перед печкой, дверцу открывает, затянется, а дым выпускает в топку. Когда я просила, выпускал дым колечками. Это было так красиво и забавно. Но едкий запах самосада запомнился на всю жизнь.

У дедушки всегда была гармонь: и в деревне, и в городе. Никто его не учил - сам овладел инструментом. Естественно, он - первый парень на деревне! Вечером выйдет за околицу, пробежит пальцами по кнопочкам - со всех концов молодежи собирается. А девчата так и вьются вокруг него. Парни сердятся, грозят побить. Однажды отобрали гармонику и его же его "помадили". Чем бы это кончилось, неизвестно. Но приглядел себе Фадей Дмитриевич невесту - Прасковью Терасимовну Зуеву и женился на ней в 1913 году. Началась другая жизнь, появились другие заботы. А

гармонь не бросил. В доме часто бы-
вали гости. Накрывали стол. Тимм
Пьяным ^{только} дедушку ^{брата} никто не видел.
Да и гости выпивали только для ве-
селья. Петя любил и Шиманю, и
Зуевы; поэтому часто слышалось хо-
ровое пение. В перерывах вспоминали
родные края, родственников. А после
песни „Отец мой был природный па-
харь“... - деревню, красных-белых;
смеялись, как дед Костя под пень
залез... А потом - перебор и плясо-
вая с частушками, колениками...
Ни ругани, ни брани, ни пьяни...

По субботам, после бани, дедуш-
ка выпивал кружку пива, долго ма-
ча сидел за столом, подперев левой
рукой голову, о чем-то думая, а по-
том негромко пел:

Позабит - позаброшен
С молодых юных лет,
А я мальчик - сиротинка,
Счастья - доли мне нет.
Как уйру э, уйру,

Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могила моя...

32
Бабушка налез к зубам подне-
сет: „Малчи! Он маму и родину вспо-
минает. Дедушка у нас сирота.“ И
мне становится так жалко его...

Прошли сороковые, наступили
пятидесятые годы. Сначала появи-
лось ощущение улучшения жизни,
потом оно стало материализовы-
ваться. Каждый год весной в газе-
те „Красное знамя“ печатали спис-
ки товаров по сниженным ценам.
Помню, как ждали их, внимательно
прочитывали, обсуждали. Появились
свободные деньги. Дедушка купил
патерфон и пластинку. На одной
стороне Лемешев пел народную пес-
ню „Дуня - тонкопояса“, а на дру-
гой - дуэт Одарки и Карася из
оперы Булак - Артемовского „Запоро-
жцы за Дунаем“. Потом появились
на витине миниатюры Штенселя.

и Таранульки — так начала форми-
роваться фронтолка.

С каким удовольствием мы крути-
ли ручку, вставляли иглу, опуска-
ли мембрану и — слушаем. О многом
не мечтаем. Учимся радоваться мелочам.

Нелли и Вене купили велосипед. И
вся наша компания училась на нем
кататься. По Венгерской улице по
очереди мы крутили педали, а ребя-
та бежали рядом, чтобы поддер-
жать ездока в случае падения. Ко-
гда бабушка увидела, что я овладела
«великом» и могу ездить самостоятельно,
она с дедушкой решила: нужно
покупать велосипед. Дядя Витя
сделал такой же подарок Гале.
Мы подвое усаживались на свой
транспорт и — на речку. Но больше
всего любим «гонять по почтовой»
дорожке до КПП и обратно.

Мы редко ходим по квартирам
друг к другу, свободное время пред-

почитали проводить на улице. Наша
компания сложилась из семи чело-
век: мальчики — Толя и Вена, девочки —
Лидя, Толя, Нелли, Галя и самая
младшая я.

Зимы были снежные. И мы рыли
в огромных сугробах «лабиринты», из-
вилистые, с тупиками. А потом по-
чили так ползали, что дома с нас
стаскивали длинные штаны, наде-
тые поверх валенок, и ставили (они
были заморозившие) их сушить на
печь. За ночь высыхали. И так всю
зиму. Но самое любимое занятие —
катание на санках. Наша орава
шла на большую гору, по которой
дорога с крутым поворотом вела
к мосту через М. Кирмизку. Нужно
всегда притормаживать левой
ногой, чтобы вместе с санками не
улететь в обрыв. Гора крутая, ско-
рость большая — необходима мгно-
венная реакция. Очень скоро мы овла-
дели управлением санками, что

иногда связывали их "паровозиком" и - летели вниз, к мосту.

Крыша нашего дома фигурная, с крутыми скатами. Сидя на самой вершине, необходимо пошатываться и подталкивать снег: тогда он с шумом скатывался большими пластами. Пока мужчины были молодыми, сами лезли на крышу. Со старыми - пришла наша очередь. Нам это нравилось. Мы же везде могли пролезть, за все зацепиться. Сурробы на земле образовывались огромные. Крыша ошцека. И тогда нам разрешали прыгать вниз. Это было абсолютно безопасно: снег мягкий, глубокий. А какое ощущение полета! И вот с самого верха по железной крыше с огромной скоростью скатывались в сурроб. У-ух! А потом опять поднимались по лестнице и - поезали!

Эта зимняя забава всеюй чуть не превратилась в большую беду.

34

месяц мой. Вспоминая это катание, нашим мальчишкам пришла в голову шальная мысль: а не прыгнуть ли с парашютом? Обратились к взрослым. Не отказались: не замешайтесь ерундой! Решили сделать сами. Как? Надуть наволочку воздухом? Не получилось. Простыня? Сообразили: если собрать котиков в кулак, то при прыжке получится купол и тогда можно медленно приземлиться. Пошли консультироваться к Теме Кюкину (он уже был студентом). Тот растолковал им, что это большая глупость: можно разбиться. Наши мальчишки заботились о полетах. И никто не подумал об Аркаше - он был еще мал и всерьез мальчишкам не воспринимался. А зря! Малой задумался... Родителей дома нет - на работе. Достал из комода простыню. Лезть на крышу дома одному боязно. А своя стайка - как раз! Залез, собрал четыре котика

в кулак, подним над головой руки и — сигнал вниз! Там на вскопанную грядку, да и не высоко было. Обшлось. Не покаленился. Но желатие метать пропало навсегда!

Мне купили калоши, натянули на валенки. Оказалось, одна чуть-чуть великовата. Дедушка меня предупредил, чтобы я приглядывала за ней и не потеряла. На улице чувствовалось приближение весны, солнышко пригревало, дома сидеть не хотелось. И поэтому до темноты играли в роще. Конечно, забыла про наказ. А когда наступили сумерки, обнаружили: калоши нет. Как идти домой? Лида и Тоша помогли мне искать — нет. Что делать? Тогда Лида говорит: «Пойдем к маме. Мама поможет». Тетя Маруся выслушала дочерей, повернулась ко мне: «Не переживай, пошлем». А дочкам: «Лезьте под кровать, выдвигайте всё!» Сколько же оттуда вылетело тапочек, калош, ботинок,

резиновых сапог от самых маленьких до больших! Подобрали подходящую, старую, но целую. Бабушка, конечно, увидела замену, но ничего не сказала. А калоши скоро стали одинаковыми.

В наших двух домах детей любимы, мы взрослыми не мешали. Жили за дело. Моги и отругать, но не по злобе. Никогда на нас не срывались, не вымещивали свои обиды и беды. А мы знали: случись беда — всеяди помогут.

Весну любимы и ждали. Мы спускались с горы к реке; проваливаясь в снег, шли к вербе; приносили веточки домой, ставили в бутылках с водой на подоконник и ждали, когда появятся пушистые шары, а потом — листья. Когда начиналось бурное таяние, я ходила в рощу слушать журчание ручейков. Их было очень много: маленьких и больших, мелких и полноводных. И каждый из них звенел по-своему. А около дома пускали лодки, кораблики. Эту заботу очень

любил дедушка. Он из коры вырезал лодки, ставил паруса. А моя задача - следить за чистотой ручья, чтобы не было затонув и наше судно могло плыть далеко. Но самое интересное - когда дедушка набирал в спичечную коробку букашек и рассказывал их на пальце. Ну совсем было весело; и корабль, и пассажиры! А однажды он принес большого, толстого таракана, посадил его на пиратский бриг „Кощей Бессмертный“, которой сразу же ушел на дно (наверно, не выдержал такого позора). От изумления мы онемели: какая катастрофа!

Дедушка внимательно следил за берегами. И как только начиналось сокосдвижение, аккуратно просверливал в стволе дырочку, вставлял в нее соломинку, а другой конец опускал в трехлитровую банку. Когда она напаялась, замазывал отверстие, а сок замосил домой. Мы пили его, не

торопясь, маленькими глотками, наслаждаясь.

Каждый год наши дача и огороды затопивало. Вода доходила до крыльца. Дедушка делал нам ходунки, на которых мы передвигались; порой, соревновались, кто дальше пройдет. Иногда вытаскивали ваны, выдерживали древко из метлы и, отталкиваясь, плыли по огородам. Бывали у нас и „морские бои“: кто кого перевернет. Домой являлись мокрые. Не помню, чтобы нас за это ругали. Да и мы как-то не боимся. Пошвыркаем носами - и всё.

Появлялась земля, и мы ели всё: почки, корни лопуха, одуванчики, жевали листья... А когда подсыхала дорога, взрослые и дети ходили на свое-ное смотреть наводнение. Черешки так закрывало водой, что мост через И. Кирлиску не был виден. Одна раз „постовский“ михал решил проскочить на другой берег. На середине не машина „зажелезчилась“. Карень

вылез на крышу, снял туфли, отжал белые носки и помакал ими нам: мол, высушайте!

Малая Киргизка в середине сороковых годов была глубокой. В ней купались, плавали, ныряли только взрослые. А для детей под мостом сделали "лягушатник". Потом реку перегородили плотиком, она обмелела, и мы ходили купаться на Байшуро Киргизку. Там у нас было любимое место под удивительным названием "Симентюкое - зелененькое".

Каждой из нас дали наволочку. Засодили в воду, мочим ее, выжимали: держа за один край двумя руками, со всей силой хлопали об воду. Наволочка наполнялась воздухом. Мы быстро скатывали комки в жгут, зажимали его левой рукой, ложились на пузырь и плавали, руля правой. Мечетие реки здесь медленное. Небольшие валы покачивали. Красота! Подрастая, научились плавать

без наволочек, самостоятельно.

К реке шли быстро: хотелось купаться, а возвращались домой медленно: искали землянику. Ее было много. Наползавшись, перемазаные ягодой, присодили в родные пенаты и скорее за стол.

Иногда нам давали банки и отправляли за ягодой для всей семьи.

Путь бабовства не было: надо заполнить емкость и, не рассыпав, принести домой. Бабушка осторожно пересыпала землянику в чашку, заливала молоком, а дедушка колды сасар мелкими кусочками. И мы: бабушка, дедушка и я - вприкуску с сахаром наслаждаемся ягодой. (В наших краях земляники было так много, что, наевшись ее, нам жалько было оставлять спелую ягуду, и мы нализывали ее на длильные соломинки и пачкали приносим домой). Так собирали мы и малину, и смородину. Поблизости от нашего дома черника не росла, а

на болото я не ходила.

Собирали мы и грибы, но я редко. В основном, за ними ходили взрослые. А опята росли у нас под окном. Когда-то во время сильного ветра упала береза. Ее распилили на дрова, а пенек обтесывали опята.

Мы росли столько, что мы с дедушкой собирали целую жаренку.

Как интересно с дедушкой собирать ягоды и грибы:

— Ты одной рукой держи веточку, а другой лезешь, чтобы не помять, сними ягодку. Тогда на следующий год она сама тебя найдет.

— Грибы нельзя ломать. Они любят поклоны. Наклонись, ножичком аккуратно срежь — вот они и вырастают опять.

Мы подросли, увлеклись чтением. А по вечерам собирались у дедушки на террасе для разговоров. Начитавшись Тоголя, решили: в ночь на Ивана Купалу побегим на бо-

лото смотреть, как цветет папоротник. Вена говорит: „Нужен мед. Когда за нами погонятся черти, мы очертим круг и спасемся“. Где его взять? Конечно, в школе. Послали меня. А там ремонт, и, разумеется, я его не нашла. Вижу: навстречу мне идет Антонина Васильевна Алексеева, директор школы:

— Что здесь делаем?

— Мне нужен кусочек меда.

— Зачем?

— Очертить круг, когда за нами погонятся черти!

— А почему они за вами погонятся?

— Так мы же на болото побегим смотреть, как цветет папоротник...

Она дала мне мед. Спешиво, и мы рванули в лес в сторону болота, но далеко не пробежали: вдруг что-то зашумело, затрепетало. Как я оказалась дома, не помню. Наверно, не только я, но и остальные, потому что никто никогда больше не хотел

смотреть цветущий папоротник. И даже не вспоминала об этом.

Почему мы любим играть в «свищиков-разбойников». А потом увлеклись «индейцами». По дороге на Светное в канаве рос папоротник. Мы вырвали его с корнем, очищали корешки — ложечки, сцепляли нитками — получилась юбка, привязывали к голове перья, мажались ульязо и, похлопывая ладошкой по швам, с криками носились по улице, а чаще — в роще.

А потом началась «тарзанана». В это время в клубе показывали трофейные фильмы. И нашим героем стал Тарзан. Манты в Сибири не растут. Мы заменили их веревками. В роще, на косогоре выбрали склоненную березу. Мальчишки, вскарабкавшись на дерево, привязали один конец к толстому сучку, и мы попеременно брали другой, разбежались, поджимали ноги и летели. Иногда ве-

ревка закручивалась вокруг ствола, тогда всем телом бились об него. Было больно. Но мы же Тарзаны: нам не положено плакать...

Не знаю, чем бы это закончилось, если бы Теня не переключил наше внимание на городки. Он с мальчишками сделал в роще городочную площадку, поставил турник. И мы забавили Тарзана, индейцев, целыми днями отжимались, выбивали рожки. Это не устроило взрослых: мы в роще попортили травяной покров. Тогда дедушка решил играть в городки на нашем дворе, который вскоре весь исковеркали. Но это неважно. Главное — детям нравится...

В клуб привезли индийский фильм «Бродяга». Тут уж наша фантазия перебрала все границы: решили сыграть индийскую свадьбу. Возьмем самодельные носилки для переноса навоза, покрыли какой-то тряпкой. Меня, как самую маленькую, посадили на

мих. Невеста должна быть нарядной. Быстро сообразили: есть елочные игрушки. Все это навешали на меня, обмотали шарьяндами, бусами. Невеста готова. Пригласили сковородки, ложки — музыкальное сопровождение. В трусах, босиком, разрисованная уязво, с помпезными на головах появилась свита. Теперь можно невесту нести к жениху. Стали под бой ложек о сковородки поднимать носилки, а не сообразили сделать это одновременно; я упала, игрушки разбились. Свита перепугалась, убежала; музыканты — за ней. Больше театра не было, игрушки и новогодней елки — тоже...

Недалеко от нашего дома находится участок земли, на котором валялись осколки кирпича. Я спрашивала у дедушки, что это такое, он отвечал: "Так было всегда". Однажды мы с Толой стояли там и пытались понять, что здесь может быть.

Толля постарше меня, поумнее. Она думала-думала, а потом решительно сказала: "Здесь зарыт клад. Надо искать". Мы взяли сапаты, начали копать. Подошел Толь: "Что делаете?" — "Ищем клад". Он побежал за Веной. Они присоединились к нам. Вчетвером мы сняли верхний слой и увидели целую кирпичную кладку. Около нас остановился дед Витя. Посмотрел, ничего не сказав, вошел в дом. Через некоторое время вернулся вместе с дедушкой. Никто ничего не понимал. Нам сказали: "На всякий случай отойдите" — и принялись осторожно вынимать "клад". Дня не сватило. Назавтра продолжили работу. Все уже поняли: после строительства дома (1908 г.) остатки заложены в яму: приходится... А времена наступили такие: I мировая война, революция, гражданская, II мировая, мобилизации, аресты... Не до того было. Кто в начале двадцатого века здесь жил? Ка-

41
кова его судьба? И вот в конце сороко-
вых годов мы наткнулись на великий
забытый "клад". Перед нами отлич-
ный строительный материал. Что
делать?

Бабушка подсказала: "Нужна лет-
няя кухня". Сложили добротную печь,
рядом поставили стол, скамейки,
сделали навес, огородили - и решилась
многолетняя проблема: теперь летом
не нужно в доме топить печь. Вся го-
товка только в летней кухне.

Яму закопали, землю выровняли,
посадили смородину, малину, клуб-
нику, цветы. Так под нашими окна-
ми появился сад.

А у Тани идея кладовискания пе-
ренеслась в роизу. Она говорит мне:
"Видишь лоттики - тут надо копать:
они растут только на золоте." И
мы решили его искать.

Долго копали в роизе. Прервалось
это внезапно. К нам подошел какой-
то дяденька (потом узнали - лесник):

"Что вы копаете?" - "Ищем золото." - "А
ну, марш отсюда. Что роизу портите?
Всю землю исковыряли!" Мы испуга-
лись, побежали. Я за что-то дащел-
лась, упала. Полежала немного. Тиссо.
Снялась - никого нет. А рядом со мной
маленький, красивый кустик. Выкопа-
ла его, принесла домой, показала ба-
бушке. Она посмотрела и говорит:
"Посади около печи". Так рядом с кух-
ней появилась черемуха...

Тогда только по радио объявляли о
солнечном затмении, все собирались во-
круг нашего дедушки. Он доставал ко-
робку с битым стеклом, подбирал
подходящие осколки, копил их, раз-
давал каждому, показывал, как нуже-
но держать, чтобы не порезаться.
Потом вместе с нами смотрел на
солнце и удивлялся.

Нам очень повезло с соседями: под-
кармливали нас, приглашали за-
нам, помогали в беде. И не по ко-
рысти, а от душевной щедрости.

Нелли дедушка, Михаил Тимофеевич, держал пчел и каждый год приносил нам бабочку (помпидурную) свежего меда, а бабушка часто угощала меня выпечкой. С удовольствием вспоминаю, как на Новый год и детские дни рождения приносила нас тетя Шура. Какие вкусности стояли на столе, как она играла с нами, рассказывала "страшные" сказки. Иногда ей помогал тетя Женя - тогда совсем было весело.

Дедушка с Павлом Андриановичем повесили на своей террасе качели. И мы всей урюбой не просто там качались, а старались долететь до самого потолка. Конечно, шумели, галдели. И терпели же... А потом на своем дворе сделали карусель. И там же мы играли в карты.

Как-то незаметно повзрослела наша компания: мои друзья окончили школу, у каждого стал определяться

свой жизненный путь. Появились другие интересы, заботы. Жизнь текла спокойно, без потрясений. И мне это нравилось. Детство ушло, оставив очень приятные воспоминания...

Миссая, размеренная жизнь, по-видимому, не была предназначена ни для бабушки, ни для дедушки. Судьба давала им только передышку, чтобы еще раз испытать их на прочность.

Заболел дедушка, положили его в больницу. Когда я с бабушкой вошла в палату, увидела: он лежал один. Взглянул на нас, слабо улыбнулся, поздравил меня. Я подошла к нему. Бабушка присела на край кровати. Он ей тихо сказал: "Паша, поскорее меня на родные." Бабушка заплакала: "Фадей, как я это сделаю?" (Тогда не было выезда в Прибалтику, только после смерти деда Кости - младшего дедушкиного брата - Мона со своей матерью побы-

вала в Литве: встречать их вышла вся деревня. Мария, Тонина мама, узнала свою подружку детства - встретились через 60 лет. Они обнялись и долго так стояли. А встречающие - мужчинами и женщинами - плакали...)

Похоронили бабушку 25 июля 1955 г. в ясный, солнечный день. Ли ветерка. Собрались вся наша большая родня. Было тихо и до боли тоскливо. Именно в этот день я поняла, как все его любил, как пусто стало без него...

После смерти бабушки наша жизнь пошла и морально, и материально трудно: одной бабушкиной зарплаты не хватало. Появились хозяйственные проблемы: привезти воду (наполненную бочку на крыльцо не могли, а ведрами носить далеко и тяжело; перестали делать заготовки на зиму - погреб гнибкий: ни спустить, ни поднять (особенно зимой); пришлось отка-

заться от коровы: как заготавливать сено? И так далее...) Стало как-то безрадостно, одиноко...

О будущем не думали. А оно стало реальностью: вернулся отец, привез из Наумовки маму с Борисом. И вот через 7 лет мы собрались вместе. Все разное, отвыкли друг от друга, многое пережившие, пострадавшие, выстоявшие в бедности и лишениях. Теперь нужно заново учиться жить вместе...

20.09.2013 г.

Березовая роща нашего детства. 1962 г.

Фото Лены.

Наша компания.

Стоят слева направо: Аркадий, Борис, Вениамин.

Сидят слева направо: Людмила, Лидия, Нелли, Михаил Тимофеевич, Галина,
Галина Шевичова, Тамара.

Наша повзрослевшая компания.

Талина

Анатолій

Наша повзрослевшая компания.

Людия

Людмила

Наша повзрослевшая компания.

Тамара

Вениамин

Нелли

Наша повзрослевшая компания.

Венямин

Нелли

Анатолий